
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Сабина МАЙЕР

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТАТЬЯНЫ РОЗЕНТАЛЬ В КУЛЬТУРНУЮ ПАМЯТЬ РОССИИ¹

История психоанализа в России тесно связана с превратностями российской истории XX века. Нигде, кроме мест своего зарождения – Вены и Цюриха, – психоанализ не нашел такого быстрого и широкого отклика, как в России. Но стремительный взлет психоанализа был внезапно прерван Первой мировой войной и революцией 1917 г., а после короткого подъема в первые советские годы, при Сталине в конце 1920-х гг. наступил его окончательный закат. В тени таких ключевых фигур, как Сабина Шпильрейн, Моисей Вульф и Николай Осипов, находилось много неизвестных первопроходцев и сподвижников. Одним из пионеров русского психоанализа является Татьяна Розенталь (1884–1921)². За свою жизнь она опубликовала всего две крупные статьи [6], [7], и до недавнего времени единственным известным источником, свидетельствующим об обстоятельствах ее жизни, был некролог, написанный ее коллегой Сарой Найдич и опубликованный в Международном журнале психоанализа [14], [15]. Ее трагическая судьба и раннее самоубийство в 1921 г. до сих пор вызывают множество вопросов. Ее профессиональная деятельность врача и психоаналитика в Петербурге ранее была почти неизвестна.

Этот пробел восполнила научная биография, написанная молодым российским психиатром и историком Леонидом Рувимовичем Кадисом под названием «Я молода, я живу, я люблю... Трагедия Татьяны Розенталь». Почти через сто лет после смерти

¹ Впервые опубликовано: Luzifer-Amor. Zeitschrift zur Geschichte der Psychoanalyse. – Vol. 66. – 2020. – S. 156–166.

² Mühlleitner (1992); Roudinescu (2004); Owtscharenko (1999); Psychoanalytikerinnen. Biographisches Lexikon. URL: https://www.psychanalytikerinnen.de/russland_biografien.html#Rosenthal (дата обращения: 28.04.2020).

Татьяны Розенталь ученый проделал огромную работу, тщательно изучив 25 архивов и собрав мельчайшие детали, касающиеся ее жизни и деятельности.

Кадис нашел множество свидетельств ее участия и выступлений на конференциях, работы в различных медицинских учреждениях, ее сотрудничества с другими врачами и психиатрами. Он нашел ссылки по меньшей мере на 14 ранее неизвестных работ Розенталь. Из этих работ две небольшие статьи опубликованы, две работы хранятся в виде неопубликованных тезисов в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, четыре объединены другими рецензентами в виде так называемых «рефератов» в специализированных журналах, а от шести сохранились только заголовки. Кадис также реконструировал семейную жизнь Розенталь. В частности, ему удалось раздобыть подробную биографическую информацию о ее муже Михаиле Розене и, таким образом, раскрыть ее политическое и социальное окружение. Кульминацией приложенных Кадисом усилий стало обнаружение им сборника стихов, который Розенталь опубликовала под псевдонимом *Татьяна Ризен* в 1919 г., а также нескольких фотографий семьи Розенталь и Розена, включая первые и единственные две фотографии её самой. Помимо нескольких рукописных бумаг это единственные личные документы, которые удалось найти.

Кадис подходит к своей задаче как историограф и документалист. Основываясь на архивных источниках и разрозненных публикациях, он пытается максимально объективно реконструировать историю жизни Татьяны Розенталь. Кадису удалось, собрав полученные из отдельных фрагментов сведения, встроить Татьяну Розенталь в историю медицины и психиатрии Санкт-Петербурга. Наконец-то Розенталь больше не представляется нам единственным аналитиком в вакууме Санкт-Петербурга – мы узнаем, в каких учреждениях и с какими коллегами она работала, в каких профессиональных спорах и дебатах участвовала. Из проведенного Кадисом исследования мы также получаем некоторые сведения о политических надеждах, общественной деятельности и обстоятельствах ее самоубийства. Сделать выводы о ее личности и мировоззрении нам помогают, в том числе, написанные ею и являющиеся в этом плане бесценными стихи. Также семейное окружение позволяет поместить Розенталь в определенный контекст – в целеустремленную, просвещенную среду еврейской интеллигенции, которая возлагала большие надежды на социальное обновление и преобразование в результате революции, и которая так горько разочаровалась.

Учитывая сложную ситуацию с нехваткой источников, эта небольшая публикация Леонида Кадиса является большой удачей для истории русского психоанализа. Благодаря вновь открывшимся обстоятельствам можно смело утверждать о возвращении Татьяны Розенталь в историю психоанализа.

Происхождение и годы учёбы 1884–1909 гг.

Татьяна Розенталь родилась 3 июля 1884 г. в Минске в семье еврейского купца Хонеля Гилелевича Розенталя и его жены Анны Абрамовны³. Детство и школьные годы она провела в Вильнюсе, культурном центре еврейской жизни того времени. Здесь она окончила с серебряной медалью Мариинскую женскую гимназию в 1900 г., в том же году поступила в педагогический класс и окончила его с удостоверением гувернантки по французскому языку. Скучные сведения о школьной жизни Розенталь свидетельствуют о том, что она принадлежала к тому жадному до знаний поколению еврейских женщин, которое стремилось получить высшее образование, и это стремление находило поддержку в их купеческих семьях со средним достатком. Однако ей было отказано в поступлении в российские университеты по двум причинам: с одной стороны, как женщине, с другой – как еврейке, ведь с 1886 г. вследствие убийства царя Александра II для студентов-евреев был вновь введен *numerus clausus*. Единственной альтернативой было обучение за границей, чем она и воспользовалась после свободного посещения лекций в Галле, Берлине и Фрайбурге-им-Брайсгау, поступив в 1902 г. на медицинский факультет Цюрихского университета. Почти за 40 лет, прошедших со времени учёбы в Цюрихе первой русской женщины-врача Надежды Прокофьевны Суловой, здесь получили образование и многие другие молодые россиянки, среди которых было немало участниц революционного движения, и одним из таких примеров является Вера Фигнер (1852–1942). Розенталь принадлежала ко второй волне российских студентов в Цюрихе; на момент ее зачисления на зимний семестр 1902/1903 г. 79 % студенток были из России [16, с. 16 и далее].

Уже из некролога, принадлежащего перу Сары Найдич, стало известно, что юная студентка Розенталь входила в революционное подполье: «Она увлеклась идеей благодетельствования простого народа, вступила в Социал-демократическую партию, несколько раз прерывала учёбу, чтобы принять участие в революционном движении в России. Она участвовала в рабочем движении Еврейской социал-демократической партии, а во время первой революции 1905 г. была председателем студенческих союзов всех женских высших учебных заведений Петербурга» [15, с. 384].

Кадис смог подтвердить считавшуюся ранее предположением информацию о том, что Розенталь в 1906 г. прервала свое медицинское образование для того, чтобы учиться в Петербурге на юридическом факультете частных Бестужевских Высших женских курсов. Однако из 28 обязательных дисциплин она сдала только экзамен по новому языку и покинула учебное заведение 1 января 1908 г. Этот короткий эпизод из ее биографии свидетельствует если не о прямом участии в революционной де-

³ StAZH U 106, 13. 1121, 1. Заявление на зачисление в Цюрихский университет 1902 г. URL: <http://www.matrikel.uzh.ch/active/static/27466.htm> (дата обращения: 10.05.2020).

тельности, то о политическом окружении Розенталь и ее страстном желании быть полезной обществу. О ее личном разочаровании в связи с неудавшейся революцией свидетельствуют следующие строки из воспоминаний Найдич: «В 1906 году (*sic!*) она вернулась в Цюрих, уставшая, в несколько расстроенном душевном состоянии, колебалась между медициной и юриспруденцией, полагая, что профессия юриста больше соответствует ее общественной деятельности» [15]. Вернувшись в Швейцарию, она целенаправленно продолжила свое медицинское образование и в 1909 г. получила докторскую степень, защитив диссертацию по гинекологии, посвященную «послеродовому маститу».

Если верить Найдич, встреча с психоанализом стала переломным моментом в профессиональной деятельности Розенталь: «Случайно, как она мне сказала, ей на глаза попала книга Фрейда «Толкование сновидений», которая привела ее в восторг, она заговорила о новых горизонтах в психологии, о пути к самопознанию, на который указал Фрейд: «Какая гармония возникнет, когда соединятся идеи Фрейда и Маркса!» [15, с. 384 и далее]. Чтение Фрейда подсказало ей выход из идейного кризиса неудавшейся революции и новый способ совмещения работы и общественной деятельности. Помимо работ Фрейда не сохранилось никаких других документальных свидетельств изучения Татьяной Розенталь теории и практики психоанализа в Цюрихе. Однако достоверно известно, что в годы учёбы в Цюрихе Розенталь много времени проводила в непосредственной близости от Кантональной Цюрихской психиатрической больницы Бургхёльцли, где под руководством Эйгена Блейлера систематически экспериментально проверялась теория психоанализа Фрейда. Среди прочего, ассоциативные тесты и анализ единичных случаев уже были частью программы обучения студентов-медиков на медицинском факультете в Цюрихе [20, с. 4 и далее].

Многие из сотрудников О. Блейлера и К.Г. Юнга были выходцами из Восточной Европы и позже сыграли важную роль в международном психоаналитическом движении, в их числе Макс Эйтингон, Герман Нунберг, Сабина Шпильрейн, Роза Авербух, Фейга Берг, Эстер Аптекманн, Софи Моргенштерн и другие [20, с. 5]. Хотя Татьяна Розенталь защитила докторскую диссертацию не на базе Бургхёльцли, как вышеупомянутые, а в области гинекологии, пересечение их путей в русском Цюрихе и знакомство друг с другом было неизбежно.

Татьяна Розенталь стала первой женщиной, выступившей 5 января 1911 г. перед Берлинской психоаналитической ассоциацией с докладом о романе датской писательницы Карин Михаэлис «*Опасный возраст*» в свете психоанализа. Этим научным трудом о литературе она напрямую следует традициям литературоведения в русской культуре, а также демонстрирует чуткость в понимании актуальной и взрывоопасной гендерной тематики, а именно в вопросах женской сексуальности. Карл Абрахам в своей переписке с Фрейдом высоко отзывается о докладе и реко-

мендует его к публикации [12, с. 225–231]. Вскоре после этого доклад публикуется в *Zentralblatt für Psychoanalyse* («Вестник психоанализа») и в русском журнале «Психотерапия» [21]. С октября 1911 г. (до 1921 г.) Розенталь состояла в списке членов Венской психоаналитической ассоциации с адресом в Петербурге, в январе и феврале 1912 г. принимала участие в заседаниях ассоциации. Ее дискуссионные доклады свидетельствуют о ее обширных теоретических знаниях и клиническом опыте в области психоанализа⁴. Наряду с Моисеем Вульфом, Леонидом Дроснесом и Сабиной Шпильрейн Розенталь была четвертым российским членом Венской психоаналитической ассоциации.

До этого момента биография Розенталь была до известной степени изучена. Однако после ее возвращения в Петербург в 1909 г. следы ее теряются в дореволюционной России. Именно здесь в дело вступает Кадис и извлекает на свет из российских архивов новые материалы, которые зачастую дополняют некролог Розенталь, написанный Сарой Найдич.

Деятельность врача и психоаналитика в Санкт-Петербурге 1910–1917 гг.

После получения медицинского образования в возрасте 25 лет Розенталь вернулась в Санкт-Петербург. Но для того, чтобы работать практикующим врачом в России, ей требовалось разрешение на осуществление врачебной деятельности. С этой целью она поехала со своим братом Адрианом, также изучавшим медицину за границей в университетах Вены и Мюнхена, в Императорский Томский университет, и после повторной сдачи экзаменов по всем медицинским дисциплинам оба получили там 28 ноября 1909 г. разрешение на врачебную деятельность. Вернувшись в Санкт-Петербург, Розенталь устроилась на свою первую работу ассистирующим врачом в Клинике душевных и нервных болезней Императорской военно-медицинской академии, где познакомилась со знаменитым неврологом и психиатром Владимиром Михайловичем Бехтеревым (1857–1927 гг.), вместе с которым ей довелось работать в последующие годы. Параллельно до 1914 г. она вела частную практику, сведения о которой были занесены в местную телефонную книгу.

Из ее докладов в Психиатрическом обществе Санкт-Петербурга, в заседаниях которого она участвовала с 1912 г., можно узнать, какими психиатрическими темами она занималась. Интересны, к примеру, дебаты о сходстве психоанализа и исповеди, где она возражает именитому Владимиру Бехтереву: «На исповеди человек сообщает то, что он знает о себе, и избавляется от того, что его сознательно мучает. Пациент

⁴ Nunberg H., Federn E. (1981 г.): 24 января 1912 г., 31 января 1912 г., 7 февраля 1912 г., 14 февраля 1912 г., 21 февраля 1912 г.

же должен рассказать психоаналитику то, чего он сам о себе не знает. И вся техника психоанализа направлена на то, чтобы пациент осознал свои бессознательные психические страхи»⁵.

В своем докладе *«Современное состояние вопроса о различных формах психотерапии и сравнительная оценка ее по отношению к гипнозу»* на XII Пироговском съезде 30 мая 1913 г. в Санкт-Петербурге она сравнивает различные формы психотерапии и подчеркивает первостепенное значение концепции вытеснения и сублимации в психоаналитической терапии⁶. На том же Двенадцатом Пироговском съезде 1913 г. на вопрос, применяет ли она гипноз одновременно с психоанализом, Розенталь отвечает, формулируя свое профессиональным кредо: «Я ставлю здоровье больного выше одного лишь метода *ad maiorem gloriam magistri*»⁷. Эта открытость различным методам и теориям характерна для раннего русского психоанализа. Раз за разом становится очевидно, что российских психоаналитиков не интересуют канонические знания и уж тем более окопная война соперничающих психоаналитических групп в Западной Европе, и что они подходят к делу прагматично [20, с. 9]. Они внимательно следят за тем, что предлагают различные направления психоанализа, и пытаются приспособить всё новое к своим собственным условиям в России, охваченной революционными идеями.

Розенталь также не чурается критики и в адрес Фрейда. Судя по ее неопубликованному докладу *«Оценка психоанализа Фрейда»* от 10 января 1914 г. на III съезде врачей Минской губернии, она считала «совершенно необоснованным объяснение ряда детских проявлений (сосание, ласки, поцелуи) сексуальными чувствами»⁸. Кроме того, она критикует психоаналитический метод за его «чрезмерные требования к интеллектуальным способностям пациента и за слишком долгое лечение больного»⁹. Критические высказывания она позволяет себе и в адрес других знаменитостей в области психиатрии. Кадис видит силу характера Розенталь в четком выражении и отстаивании своего мнения, и в ее нежелании слепо следовать известным авторитетам [1, ср. 23 и далее].

Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г., ознаменовала собой крутой поворот в истории русского психоанализа. За четырнадцать лет восторженного принятия

⁵ Протокол заседания Общества психиатров 14 апреля 1912 г. // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. – 1913. – № 3: 39 (Приложение).

⁶ XII съезд русских врачей в память Н. И. Пирогова // Врачебная газета. – 1913. – № 24: 890.

⁷ Двенадцатый Пироговский съезд. г. Петербург, 29 мая – 5 июня 1913 г.. – Вып. II. – СПб.: Акц. общ. Типография «Слово», 1913. – С. 316.

⁸ III съезд врачей Минской губ. (9–12 января 1914 г.) // Минские врачебные известия. – 1914. – № 1 (30 января). – С. 21. Хотя все участники Минской конференции запечатлены на фотографии, фото Розенталь, к сожалению, отсутствует. Также ее доклад, очевидно, не был передан для публикации, хотя и включен в список выступлений.

⁹ Там же.

новых теорий с Запада психоанализ в России нашел широкое применение и институционально закрепился. Психоаналитическая работа велась во многих клиниках, поликлиниках и санаториях, в Москве и Одессе постоянно действовали психоаналитические группы со своими сериями публикаций, а с 1909 г. успешно издавался журнал «Психотерапия». Начало войны положило конец этому раннему расцвету психоанализа. Мужчин призвали на военную службу, психиатрическую терапию прекратили, а частную клинику в Крюково под Москвой закрыли в ходе национализации.

Политическая деятельность

Еще со времен написания некролога Сарой Найдич было известно, что Розенталь была близка к революционному движению в студенческие годы, но это утверждение не было ничем подкреплено. Леонид Кадис нашел прежде всего различные архивные источники ее политической активности. Прямого участия в социалистической партии Бунд, всеобщем еврейском рабочем союзе в Литве, Польше и России, основанном в конце XIX в. и борющемся за права еврейского пролетариата, доказать не удалось. Однако, есть доказательства членства Татьяны Розенталь в Обществе охраны здоровья еврейского населения (сокращенно ОЗЕ) с 1912 г. Эта организация занималась «разработкой и проведением мероприятий по психическому и физическому оздоровлению еврейского населения» [1, с. 9 и далее]. Розенталь занималась вопросами медицинской помощи в местах еврейских поселений. Она также участвовала в работе библиотечного отдела, планировала систематизацию библиотеки и отдала большое количество своих книг в бесплатное пользование. На первом собрании Общества в Петрограде в 1916 г. она говорила о назначении библиотеки, которая «должна давать возможность теоретического разъяснения работникам вопросов, над которыми они работают практически на местах» [1, с. 16]. Розенталь и здесь активно выступает за образование, просвещение и литературу.

Наиболее важным свидетельством близости Розенталь к Бунду является ее брак с убежденным бундовцем Михаилом Марковичем Розеном [1, с. 16]¹⁰. Михаил, который был старше ее на восемь лет, вступил в Бунд еще в 1896 г. После посещения нескольких семестров в качестве вольного слушателя философского факультета в Цюрихе в 1904 г. он вернулся в Петербург в качестве профессионального революционера. В 1905 г. его арестовали за участие в революционном движении. В 1906 г. Розен был принят в центральный комитет партии. Розенталь, по всей видимости, посещала его во время заключения, потому что она написала стихотворение, связанное с этим

¹⁰ Точную дату бракосочетания установить не удалось, скорее всего она состоялась в период между 1910 и 1915 годами.

событием и включенное в сборник ее стихов, изданный в 1919 г. [1, с. 16 и далее]. Дальнейшая биография Розена тесно переплетена с политическими событиями и даже с внутренними силовыми структурами большевиков [1, с. 46–50, 57–59]. Единственный сын Татьяны и Михаила Адриан Розен родился 24 августа 1915 г.¹¹ После возвращения со Второй мировой войны, Адриан Михайлович Розен стал крупным радиохимиком с многолетней научной карьерой. Он умер в 2001 г. в Москве.

Февральскую революцию 1917 г. Татьяна Розенталь встретила восторженными стихами [1, с. 29–31]. Однако время больших надежд на справедливое социальное переустройство общества длилось недолго, так как искусственно инициированное вооруженное Октябрьское восстание большевиков в том же 1917 г. было воспринято многими как посягательство на учредительное собрание. Пироговское общество, самое авторитетное медицинское общество в России, осудило восстание в своей резолюции.

В Институте Мозга 1919–1921 гг.

Горько разочаровавшаяся в политических событиях Розенталь с головой уходит в работу. Владимир Бехтерев приглашает ее во вновь созданный Институт по изучению мозга и психической деятельности (Институт Мозга) в Петрограде. Целью исследования советского элитарного института было «всестороннее изучение человеческой личности и условий ее правильного развития» [8, с. 137]. На начальном этапе существования института области исследований были весьма обширными, существовало более десятка различных отделов и лабораторий, занимавшихся такими разными областями знаний, как биохимия мозга или экспериментальная педагогика [1, с. 31]. В Институте Мозга талант Розенталь как клинициста и организатора смог полностью раскрыться в различных сферах деятельности. Ее основной деятельностью было руководство амбулаторией и лабораторией психотерапии [9, с. 476]. В амбулатории применялись «гипноз, классический психоанализ и катарсический метод психоанализа в гипнозе по Франку» [8, с. 164]. Лаборатория была своего рода научным центром, где занимались развитием ассоциативного эксперимента Юнга, а также изучением ассоциации при аффективной эпилепсии. Вновь мы здесь наблюдаем характерную для раннего русского психоанализа экспериментально-эклектичную смесь методов.

В 1919 г. в Институте Мозга Розенталь опубликовала свою самую известную работу «Страдание и творчество Достоевского. Психогенетическое исследование», ставшую предметом различных литературно-критических и исторических толкований [2], [3], [4], [10]. Обращение к Достоевскому было ожидаемым, поскольку ранний

¹¹ ЦГИА СПб, ф. 422, оп.2, д. 527, л. 58. (метрическая книга о рождении евреев).

русский психоанализ проявлял широкий интерес не только к клиническим, но и к культурным и социальным вопросам. Традиция патографии таких известных писателей и деятелей, как Гоголь, Достоевский и Толстой, существовала в среде русских психиатров еще в XIX в. [23]. Со времен Пушкина, создателя русского литературного языка, литература имела первостепенное значение в русской культуре как своего рода метадискурс, в котором обсуждались социально-культурные, философские и нравственные вопросы, запрещенные царской цензурой. Занятие литературой было для психиатров реформаторской направленности своеобразным способом участия в социальных вопросах (там же, стр. 6 и далее.). Розенталь – первый психоаналитик, отважившийся принять участие в полемике вокруг гениальности и болезни Достоевского. Она занимается изучением болезни Достоевского, диагностирует ее как аффективную эпилепсию по Эмилю Братцу и интерпретирует его ранние новеллы с точки зрения психоанализа. За ее статьей в 1920-е гг. последовали и другие психиатрические исследования по Достоевскому, в том числе Николая Осипова, Владимира Бехтерева, Ивана Ермакова, Григория Сегалина – и почти никто из них не упомянул имени Т. Розенталь. Зигмунд Фрейд, по всей видимости, также был знаком с диагнозом Достоевского, поставленным Розенталь, так как он перенес его в свое эссе «Достоевский и отцеубийство» (1928), однако без ссылки на нее [11], [18].

В первые годы советской власти система здравоохранения Петрограда находилась в плачевном состоянии. Мировая война и начавшаяся гражданская война, гибель многих врачей на фронте, нехватка лекарств и антисанитарные условия жизни – все это привело к настоящему кризису в системе здравоохранения и к массовым заболеваниям жителей Петербурга [1, с. 32]. Оставшиеся в городе врачи подвергались повышенному риску инфекционных заражений. Татьяну Розенталь не минула эта участь. В эти годы она работала параллельно в «самопомощи» еврейского союза и в физиотерапевтическом институте и в 1919 г. заболела туберкулезом, о чем свидетельствует ее шестинедельный больничный лист. Ее ослабленное здоровье и маленький ребенок, вероятно, послужили причиной того, что она указала в анкете, что непригодна к военной службе на фронте, но может работать «в домашних условиях».

В Клинико-педагогическом институте 1919–1921 гг.

Весной 1919 г. в обнищавшем вследствие войны Петрограде был основан специализированный психоневрологический институт для детей – Клинико-педагогический институт. Это было детище великого организатора в сфере науки Владимира Бехтерева. Сразу же после открытия института Розенталь была принята на работу в качестве специалиста по детской психологии и психопатологии [1, с. 35].

18 февраля 1919 г. на VIII конференции по половому воспитанию, организованной Народным комиссариатом просвещения, Розенталь выступила с докладом «О половом воспитании детей», который Кадис нашел в виде четырехстраничного машинописного текста в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Наряду со стихами это наиболее объемное и содержательное сочинение среди ее работ, обнаруженных за последнее время. В этой ранее неизвестной работе Розенталь обращается к новой теме исследования, имевшей большое значение в первые годы советской власти, – педагогике. С ее помощью планировалось строительство нового социалистического общества и создание нового человека. С одной стороны, существовали идеологические причины, по которым новые правители ориентировали науку на построение социалистического общества и создание нового человека. Такие дисциплины, как биология, педагогика, психотехника, психология, физиология и наука о питании должны были способствовать созданию *homo sovieticus*. Соответственно, педагогический элемент стал играть важную роль в российской психологии и психоанализе [19, с. 36]. С другой стороны, были и насущные экономические и социальные проблемы, которые необходимо было решать с помощью педагогической науки. В результате потрясений Первой мировой войны, революции и гражданской войны на улицах осталось по разным оценкам от семи до девяти миллионов сирот, которые для большевиков представляли собой огромные проблемы практического характера.

Тезисы Розенталь – это первая попытка российского автора построить программу полового воспитания на основе психоаналитической теории [1, с. 37 и далее]. Некоторые идеи этих тезисов были подхвачены в 1920-х гг. такими советскими психоаналитиками, как Вера Шмидт и Роза Авербух, которые работали в знаменитом психоаналитическом детском доме-лаборатории в Москве [1, с. 37]. Только сейчас, с опозданием на сто лет, мы узнаем о том, что Розенталь заложила в Советской России основы детского психоанализа, вызвавшего повсеместный интерес. Таким образом, ей можно по праву отвести роль «недостающего звена» между зарождением психоанализа в царской России и его продолжением в Советском Союзе в 1920-е гг.

Трагедия 1920–1921 гг.

Несмотря на профессиональные успехи, материальное положение семьи оставалось тяжелым. Михаил Розен состоял в управлении государственной потребительской кооперации для фабрик и городов (Центросоюз) [1, с. 46]. 6 января 1920 г. его арестовали по обвинению в коррупции. Обстоятельства его ареста весьма под-

робно задокументированы в мемуарах видного социал-демократа и меньшевика Георгия Александровича Соломона (1868–1942 гг.)¹². В них Соломон вспоминает, как заступался за Розена даже перед главой ЧК Феликсом Дзержинским, так как знал его как честного, великодушного и стойкого человека. Соломон пишет, что он добился свидания для жены Розена врача Татьяны Розенталь с ее арестованным мужем, и что она решительно настаивала на его невиновности. Все попытки Розенталь спасти мужа оказались тщетными. 3 сентября 1920 г. Михаил Розен был приговорен Верховным революционным трибуналом к 15 годам лагерей [1, с. 50].

Можно только догадываться, в каком отчаянии была Татьяна Розенталь, и каких усилий ей стоило продолжать работать, заботиться о ребенке и хлопотать об освобождении мужа из заключения. Однако ее психическое здоровье стремительно ухудшалось. Совершенно обессиленная и измученная, она попадает в Психиатрическую клинику Московского государственного университета. Врачом, поставившим ей диагноз, был не кто иной, как Петр Борисович Ганнушкин (1875–1933), прославившийся в то время как «психиатр эпохи», который, среди прочего, лечил от депрессии поэта Сергея Есенина [1, с. 52 и далее]. Ганнушкин диагностировал у Розенталь «тяжелую психопатию» (*psychopatia gravis*) и предписал ей «сменить обстановку» и уйти в отпуск на три-четыре месяца¹³. 3 апреля 1921 г. Розенталь написала заявление д-ру Бехтереву об освобождении от работы. Однако в последующие дни ситуация не улучшилась, и 15 апреля 1921 г. Татьяна Розенталь покончила жизнь самоубийством. Ее смерть осталась почти незамеченной в психиатрической прессе. К сожалению, в книгах записи актов гражданского состояния города Петербурга нет записи о ее смерти.

Заключительная часть

Судьбы всех членов семьи Розенталь, которых Кадис упоминает в своем послесловии, канули в пучину сталинского террора. Из пяти братьев и сестер Розенталь – все с высшим образованием – только дерматолог и венеролог Соломон Конрадович Розенталь (1890–1955) пережил Большой террор.

¹² Г.А. Соломон был уполномоченным наркомата внешней торговли Министерства внешней торговли в первые годы существования РСФСР. В 1923 г. он стал одним из первых так называемых «невозвращенцев», покинувших Советский Союз во время заграничной поездки. В 1930 г., находясь в эмиграции, он опубликовал свои мемуары «Среди красных вождей. Лично пережитое и виденное на советской службе».

¹³ К сожалению, в архиве Клиники психиатрии имени С.С. Корсакова, а также в архивах Московского государственного университета (МГУ) нет истории болезни Татьяны Розенталь.

Особое значение имеет достаточно подробно задокументированная биография Михаила Розена, который пережил Розенталь более чем на 25 лет. После смерти жены в 1921 г. Розен был освобожден, переехал в Москву и женился во второй раз. Работал ведущим экономистом и финансистом Строительного объединения «Союзсовхозстрой». 22 июня 1941 г., в день начала войны с фашистской Германией, Розенталь вновь был арестован органами НКВД и обвинен в участии в контрреволюционной организации Бунд, на которую якобы вел подпольную работу. Его перевели в Саратов и несколько раз там допрашивали, но в итоге освободили за отсутствием состава преступления 11 ноября 1941 г.

Исследование Кадиса является важной вехой в истории российского психоанализа. Высокой оценки заслуживает не только скрупулёзное документирование всей информации, относящейся к Розенталь. Особую ценность представляет собой превосходная научно-историческая классификация ее научной деятельности. Кадис создает историческую систему координат петербургских научно-исследовательских институтов, врачей и психиатров, в которую он помещает Розенталь. Таким образом, эта биография представляет собой гораздо больше, чем просто собрание источников: она блестяще воссоздает утерянные личностные и дискурсивные связи между различными дисциплинами, между Восточной и Западной Европой, между поколениями и эпохами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кадис Л.Р.* Я молода, я живу, я люблю... Трагедия Татьяна Розенталь. – Ижевск: ERGO, 2018.
2. *Лелли И., Заламбани М.* Федор Достоевский в интерпретации Татьяны Розенталь: предвосхищение Фрейда. – Ижевск: ERGO, 2016.
3. *Майер С.* Предисловие / Розенталь Т.К. Страдание и творчество Достоевского. Психогенетическое исследование. – Ижевск: ERGO, 2011. – С. 7–10.
4. *Майер С.* Достоевский и концепции иррационального в раннем русском психоанализе / Маннхерц Ю. Иррациональное в русской культуре. – М.: NLO, 2020.
5. *Овчаренко В.И.* Антология российского психоанализа / под. ред. В.М. Лейбин. – М.: Флинта, 1999.
6. *Розенталь Т.* «Опасный возраст» Карин Михаэлис в свете психоанализа // Психотерапия. – 1911. – № 4–5. – С. 189–194; № 6. – С. 273–289.
7. *Розенталь Т.* Страдание и творчество Достоевского. Психогенетическое исследование // Вопросы изучения и воспитания личности. – 1919. – № 1. – С. 88–107.
8. *Щелованов Н.М.* Институт по изучению мозга и психической деятельности. Отчет о деятельности по 15 июля 1919 г. // Вопросы изучения и воспитания личности. – 1919. – № 1. – С. 136–168.

9. Щелованов Н.М. Отчет о работах Института по изучению мозга и психической деятельности (с июля 1919 по январь 1921) // Вопросы изучения и воспитания личности. – 1921. – № 3. – С. 472–500.
10. Accerboni A. Tatjana Rosenthal. Una breve stagione analitica // Giornale storico di psicologia dinamica. – 1989. – Vol. XIII. – Fasc. 25. – P. 61–80.
11. Etkind A. Eros des Unmöglichen. Die Geschichte der Psychoanalyse in Russland. – Leipzig: Gustav Kiepenheuer, 1996.
12. Freud S., Abraham K. Briefwechsel 1907–1925 / Vollständige Ausgabe. Falzeder E. u. Hermanns L.M. (Hg.) – Wien: Turia und Kant, 2009.
13. Mühlleitner E. Biographisches Lexikon der Psychoanalyse. – Tübingen, 1992.
14. Neiditsch S. Die Psychoanalyse in Rußland während der letzten Jahre // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. – 1921a. – Vol. VII. – S. 381–384.
15. Neiditsch S. Dr. Tatjana Rosenthal, Petersburg + // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. – 1921b. – Vol. VII. – S. 384.
16. Neumann D. Studentinnen aus dem Russischen Reich in der Schweiz (1867–1914). – Zürich: Hanns Rohr, 1987.
17. Nunberg H., Federn E. (Hg.) Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. – Bd. IV, 1912–1918. Frankfurt/M.: S. Fischer, 1981.
18. Rice J. Freud's Russia. National Identity in the Evolution of Psychoanalysis. – New Brunswick: Transaction Publishers, 1993.
19. Richebächer S. Eine gefährliche Liaison mit der Macht. Psychoanalyse im bolschewistischen Russland / Bahrke U., Haubl R., Tomas Plänkner T. (Hg.) Utopisches Denken – Destruktivität – Demokratiefähigkeit. 100 Jahre "Russische Oktoberrevolution". – Gießen: Psychosozial-Verlag, 2018. – S. 35
20. Richebächer S. Psychoanalyse im Zarenreich: Unveröff manuskript, 2017.
21. Rosenthal T. Karin Michaelis: 'Das gefährliche Alter' // Lichte der Psychoanalyse. Zentralblatt für Psychoanalyse. – 1911. – Vol. 1. – S. 277–294.
22. Roudinescu E., Plon M. (Hg.) Wörterbuch der Psychoanalyse. – Wien: Springer, 2004.
23. Sirotkina I. Diagnosing Literary Genius. A Cultural History of Psychiatry in Russia 1890–1930. – Baltimore; London: J. Hopkins University Press, 2002.